

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ И ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСАНДР МЕНЬ

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

СЕРГИЕВ ПОСАД 2013

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ И ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР МЕНЬ

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

«ДУБРАВА»

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ИМЕНИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Сергиев Посад
2013

ОТКРЫТЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА
ГАЛИЧА

Когда
Вернусь

«...Творческое начало врожденное. Но все-таки на самом деле наша цель – это духовное соединение людей, взаимная близость, когда общение создает радость и любовь между людьми... Это трудно, это даже мучительно – взять и выставить свое сердце напоказ. Но это одновременно приглашение к дружбе, приглашение к любви. И величайшая радость для художника – быть понятым. Значит, протянутая рука была встречена другой протянутой рукой и принята...»

Протоиерей Александр Мень

ОТ РЕДАКЦИИ

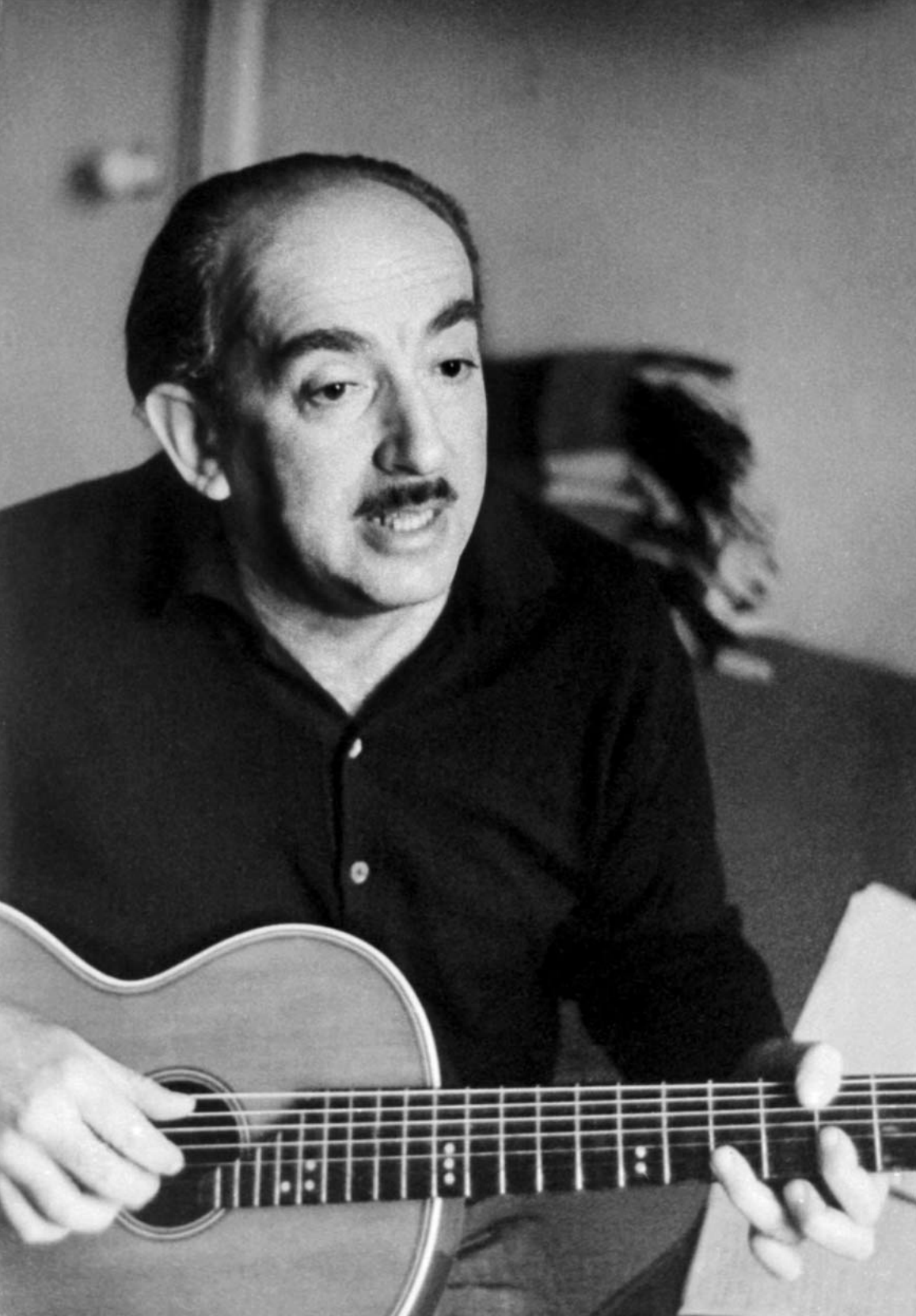
С 2012 года в Сергиевом Посаде, в культурно-просветительском центре «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня, проводится Открытый фестиваль памяти Александра Галича «Когда я вернусь». Одной из задач фестиваля является изучение биографических, творческих и духовных связей между Александром Галичем и протоиереем Александром Менем, а также их окружения.

В данное методическое пособие вошли материалы, раскрывающие и личные, и духовные связи между этими двумя людьми.

Описание основных этапов творческой деятельности Галича сопровождается его яркими цитатами.

Публикуемые материалы показывают, что встреча Александра Галича и протоиерея Александра стала важной для обоих. В 1972 отец Александр крестил Галича.

В конце как итог приводятся воспоминания Николая Каретникова – композитора, который привел Галича в Новую Деревню и стал его крестным.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ ГАЛИЧ (1918 – 1977) – ОДИН ИЗ ЯРКИХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ЖАНРА АВТОРСКОЙ ПЕСНИ, ПОЭТ, ДРАМАТУРГ, АВТОР СЦЕНАРИЕВ.

В ранний период творчества Галич написал несколько пьес для театра: «Улица мальчиков», «Походный марш», «Много ли человеку надо», «Вас вызывает Таймыр». Дебют в драматургии состоялся в Театре-студии А. Н. Арбузова и В. Н. Плучека в 1940 году в коллективном соавторстве пьесы для спектакля «Город на заре». Позже были написаны сценарии фильмов «Верные друзья» (в соавторстве с Исаевым), «На семи ветрах», «Дайте жалобную книгу», «Третья молодость», «Бегущая по волнам».

С конца 1950-х гг. Галич начинает сочинять песни относительно безобидные в политическом отношении, но диссонировавшие с официальной советской эстетикой: «Леночка», «Про маляров, истопника и теорию относительности», «Закон природы».

Александр Галич:

«Я понял, что именно поэзия и тем более песня – наиболее удобная форма... Она обладает способностью немедленно откликнуться, сделать то, что невозможно сделать ни в прозе, ни в драматургии, – немедленно отреагировать на те события, которые происходят в жизни общества. Я понял, что это единственная возможность до конца и полностью высказать то, что я хочу...»

Написанная в 1958 году пьеса «Матросская тишина» для театра «Современник» была запрещена уже перед премьерой с заявлением автору, что он искаженно представляет роль евреев в Великой отечественной войне. Этот эпизод Галич потом описал в повести «Генеральная репетиция».

Пьеса «Матросская тишина» была снова поставлена только в 1988 году О. Табаковым. Его песни становятся более глубокими и политически острыми, что привело к конфликту с властью. Галичу было запрещено давать публичные концерты, его не печатали и не позволяли выпустить пластинку. Он выступал со своими песнями по квартирам. Его песни распространялись в магнитофонных записях, благодаря которым он становился все более популярным. Как вспоминают друзья, ни разу, ни на одном своем выступлении он не попросил, чтобы выключили магнитофон и не записывали его песен.

Юлий Ким об Александре Галиче:

«У него были возможности прекратить, отступить, перестать, сделать передышку, петь только узкому кругу. Даже не обязательно требовалось от него какого-нибудь публичного покаяния, публичного отказа от убеждений – нет! Чуть переждать – и все бы образовалось. Нет, вот что меня удивило. Нет, он не переживал, он постоянно сочинял, сочинял; одну вещь хлеще другой, и это было так последовательно и бесповоротно, что я на это могу смотреть только как на подвиг...»

Александр Галич:

«Мне все-таки уже было под пятьдесят. Я уже все видел. Я уже был благополучным сценаристом, благополучным драматургом, благополучным советским холуем. И я понял, что я так больше не могу. Что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду...»

Вначале власть смотрела на происходящее сквозь пальцы. Однако в 1968 году после выступления Галича в Новосибирском Академгородке на первом бардовском фестивале, ситуация резко изменилась.

Драматург В. Славкин:

«В печати появились статьи, обвиняющие бардов во всех смертных грехах. Фестиваль был объявлен идеологической ошибкой. Центр всей духовной жизни Академгородка был разогнан. У ребят полетели кандидатские, докторские. В Москве начались неприятности у Галича...»

Его исключили из Союза писателей, из Литфонда и Союза кинематографистов. Была остановлена вся работа на телевидении и расторгнуты договора. Спектакли по пьесам Галича снимали из репертуара театров, прекращали репетиции. Были заморожены съемки новых фильмов, а в уже снятых лентах из титров вырезали его имя. Галич остался практически без средств к существованию. Чтобы выжить, ему пришлось распродавать свою богатейшую библиотеку, писать за кого-то сценарии и давать платные домашние концерты.

Александр Галич:

«Меня исключили за мои песни. Я писал свои песни не из злопыхательства, не из желания выдать черное за белое, не из стремления угодить кому-то на Западе. Я говорил о том, что болит у всех и у каждого здесь, в нашей стране, говорил открыто и резко...»

(Из открытого письма Галича московским писателям и кинематографистам).

В 1972 году после трех инфарктов Галич получил вторую группу инвалидности и пенсию в пятьдесят четыре рубля.

Александр Галич:

«К чиновничьей хитрости, к ничтожному их цинизму я уже давно успел притерпеться. Я высидел сотни часов на прокурорских до сизости заседаниях – где говорились высокие слова и обдελывались мелкие делишки...»

В 1974 году Галич был вынужден эмигрировать. По одной версии, он номинально выехал в Норвегию для участия в семинаре по творчеству Станиславского, но сразу после пересечения границы был лишен гражданства. По другой – эмигрировал по «израильской визе».

Первым пристанищем Галича за рубежом стала Норвегия, затем Мюнхен, где некоторое время он работал на американском радио «Свобода». Потом переехал в Париж, где погиб 15 декабря 1977 года от удара электрическим током, при подключении антенны к телевизору.

В 1988 году Галич восстановлен в Союзе кинематографистов и Союзе писателей. В 1993 году было возвращено российское гражданство.

Александр Галич:

«... Я обращаюсь мысленно ко всем знакомым и незнакомым людям на Востоке и на Западе – не молчите! Поймите, молчать нельзя! Поверьте, это разрешается, это не стыдно, это можно – утешать вдов и сирот. Это можно, это не стыдно – бороться с несправедливостью и ложью, помогать страждущим, вступаться за униженных и оскорбленных. Поймите, мы живем в одно время, на одном земном шаре, и пусть кто-то продолжает демагогически болтать о вмешательстве в чужие дела – нет на нашей Земле чужих дел! Все дела наши!

(Из радиопередачи на радио «Свобода» 14 сентября 1974 г.)

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР МЕНЬ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ГАЛИЧЕ

Конечно, как и многие, я не раз слышал записи его песен, поразительных, с такой точностью передающих дух и настроение тех лет. Голос Галича казался мне прорывом из глухого молчания. Но молчания многозначительного. Я верил, что под ледяной коркой зимы все еще текут живые струи. Уж если сталинщина не могла полностью иссушить эту реку, то тем более – потом... Галич говорил и пел о том, о чем шептались, что многие уже хорошо знали. Он блестяще владел городским полуинтеллигентским и полублатным жаргоном, воплощаясь то в героев, то в антигероев нашего времени. Мне он казался своего рода мифом, собирательным образом, каким казался в начале 60-х Окуджава, хотя мне было известно, что это вполне реальные люди. Окуджава пел о простом, человеческом, душевном после долгого господства казенных фраз. Галич изобразил в лицах, в целой галерее лиц, портрет нашей трагической эпохи. Поэтому мне показалось странным, что я мог увидеть его, словно это был оживший символ, который трудно себе представить в виде одного конкретного человека.

Я увидел его сразу, когда он, такой заметный, высокий появился на пороге церкви¹. Он пришел с нашим общим знакомым, композитором Николаем Каретниковым. Не помню сейчас, уславливались ли мы заранее, но я узнал его сразу, хотя фотографий не видел. Узнал не без удивления. Знаете, читатель часто отождествляет писателя с его героями. Так вот, для меня А.А. жил в его персонажах, покалеченных, обиженных, протестующих, с их захватской бравадой и болью. А передо мной был человек почти величественный, красивый, барственный. Оказалось, что записи искажали его густой баритон. Мне он сразу показался близким, напомнил мою родню – высоченных дядек, которые шутя кололи грецкие орехи ладонью. Это был артист – в высоком смысле этого слова. Потом я убедился, что его песни неотделимы от блестящей игры. Как жаль, что осталось мало кинокадров...

1 Речь идет о Сретенском храме в Новой Деревне (г. Пушкино Московской области), где протоиерей Александр Мень служил с 1970 по 1990 г. – Ред.

Текст, магнитозаписи не могут всего передать. И в первом же разговоре я ощутил, что его «изгойство» стало для поэта не маской, не прозой, а огромной школой души.

Мы говорили о вере, о смысле жизни, о современной ситуации, о будущем. Меня поражали его меткие иронические суждения, то, как глубоко он понимал многие вещи.

Я всегда придерживаюсь правила – не посвящать других во внутреннюю жизнь моих прихожан, даже ставших знаменитыми. Это нечто врачебной тайны. Иначе невозможны искренние, доверительные отношения.

Могу сказать лишь очень немного. Его вера не была жестом отчаяния, попыткой куда-то спрятаться. Он много думал. Думал серьезно. Многое пережил. Христианство влекло его. Но была какая-то внутренняя преграда. Его мучил вопрос: не является ли оно для него недоступным, чужим. Однако, в какой-то момент преграда исчезла. Он говорил, что это произошло, когда он прочел мою книгу о библейских пророках². Она связала в его сознании нечто разделенное. Я был рад и думал, что уже одно это оправдывает существование книги.

После совершения таинства мы сидели у меня, и он читал нам с Каретниковым свои стихи. И как-то по-особенному прозвучал его «Псалом» о том, как человек искал «добраго Бога»³. Нет, вера его была не слепой, не способом убежать от жизни. Она была мудрой и смелой. В нем жило чувство истории, сопричастности с ней, историческая перспектива, которая связывалась для него с христианством. Об этом, о сокровенном, Галич пел и писал мало. Это было прекрасное целомудрие души. Есть вещи, которые нельзя выставлять напоказ. Но в своем пронзительном стихотворении «Когда я вернусь» он не случайно назвал наш маленький храм, «где с куполом синим не властно соперничать небо», своим «единственным домом».

Однажды, когда он прочел нам стихи о том, что надо бояться человека, который «знает, как надо», Каретников спросил его: «А Христос?» Александр Аркадьевич ответил: «Но ведь Он не просто человек ...»

Это было тяжелое, мучительное расставание. Он приехал ко мне домой с гитарой. Пел для собравшихся друзей. Голые ветки за окном и пустое пространство напоминали о бесприютности. Мы смеялись и плакали. Никто не мог обвинять в противоречии человека, написавшего «Песнь исхода». Было видно, что его довели до точки. Больше он не мог выдержать. Есть моменты, когда суждено дрогнуть и сильному. При прощании у него он

2 Речь идет о следующей книге: *Эммануил Светлов. Вестники Царства Божия*. Брюссель, 1972. Эммануил Светлов – один из псевдонимов, которые использовались бельгийским издательством «Жизнь с Богом» при издании трудов протоиерея Александра Меня. – *Ред.*

3 Цитата из стихотворения Александра Галича «Псалом». – *Ред.*

хотел подарить мне на память – как символ – дощечку, с которой легко стираются написанные слова. Горький сувенир времен молчания. Но я отказался взять. «Придет время, еще будем говорить вслух», – сказал я ему. Рассчитывать, правда, было не на что. Но я верил и надеялся. Уже «оттуда» он мне написал в коротенькой записке, что никогда там не привыкнет. Это и неудивительно. Он был плоть от плоти нашей жизни, Москвы, нашего непростого времени, полного глубокого и вечного смысла.

На самом деле это был все-таки волевой акт искания правды. Искания! И он метался, он колебался, он видел, что люди, которые выступали в защиту правды, в конце концов, были не такими, что в них сидел тот же самый вирус насилия, вирус тоталитаризма, вирус ложного догматизма и приспособления. Но даже те, которые, казалось бы, были бескомпромиссными, они были безобидными для общества лишь потому, что их не пускали к рукояти, а если бы их пустили, то件 известно, как бы все было. И вот тогда

в этих поисках он понял правду как какое-то служение. Ведь ради чего он все это делал? – что, узкая слава в узких кругах? Под молодежные аплодисменты? Нет. Он был большой человек, мощный, такому тесно в тех пределах, в которых он жил. Он был крупной фигурой, крупным характером, и все равно он все это принес в жертву исканиям правды. Его духовный внутренний, сокровенный путь – это завершение этого поиска. И это было совсем не просто. И этот поиск привел его и к внутреннему пути, и к внешнему изгнанию, поэтому слова Христовы о том, что «блаженны изгнанные правды ради»⁴, они справедливо написаны на его могиле. Но я бы хотел подчеркнуть, что это блаженство. Блажен – это значит в высшей степени счастлив. На самом деле полнота раскрытия человеческого «я», его блаженство, заключается совсем не в том, чтобы не иметь препятствий, а в том, чтобы их преодолевать, быть победителем, несмотря на то, что вокруг бушуют черные бури, и быть изгнанным правды ради – это не несчастье, а величайшая честь. Когда-то было сказано, что у нас высоко ценят поэзию, потому что за стихи расстреливают. Он это чув-

4 (Мф 5:10).

ствовал, и его жизнь поэтому стала цельной, завершенной, несмотря на кажущийся трагический конец. Я не верю ни во что случайное и слепое, потому что в таких событиях всегда есть высший смысл, который открывается только на расстоянии.

Блаженный – значит счастливый, и он – человек низвергнутый, непризнанный, осмеянный, изгнанный, – тем не менее, нес свое счастье внутри. Вот это самое главное⁵.

...Мы все объединяемся одной любовью, одной памятью, одной духовной и душевной привязанностью. И пока еще аура Александра Галича не забронзовела, не закалилась, будем стараться это сохранить. Ведь он к этому шел, как советский драматург и писатель. Он мог закалился до того, как стал самим собой. И он в какой-то решительный момент сделал такой вираж и стал таким духовно-литературным партизаном. И эту его вольность, партизанщину хотелось бы сохранить в сердце пока еще есть время.

Все это ведь глубоко связано со всей его судьбой и судьбой целого поколения потому, что действительно многие люди стояли перед выбором. Это были люди талантливые, перед которыми открывалась дорога эстеблшмента, дорога славы, материальных удобств. И вот с ними что-то произошло, и с ним тоже. Поэтому его жизнь имеет особое значение. Я о внутреннем его пути говорить не хочу потому, что священник не должен выносить на свет Божий все, что происходит в его присутствии. Но, если говорить в общих чертах, то на самом деле это был волевой акт искания правды, и он метался, колебался. Он видел, что люди, которые выступали в защиту правды, они, в конце концов, были не такими, что в них сидел тот же самый вирус насилия, вирус тоталитаризма, вирус ложного догматизма. Он был большой человек, мощный, такому тесно в тех пределах, в которых он жил. Он был крупной фигурой, крупным характером и все равно все это он принес в жертву исканиям правды. Его духовный, внутренний, сокровенный путь – это завершение поиска. И этот поиск привел его и к внутреннему пути и к внешнему изгнанию. Поэтому слова Христовы о том, что «блаженны изгнанные правды ради» справедливо написаны на его могиле, и на могилах многих других людей, но здесь это особенно звучит.

Протоиерей Александр Мень.

Фрагмент из фильма «Изгнание». 1989 г. Реж. И. Пастернак.

⁵ Александр Мень. О себе ... Воспоминания, интервью, беседы, письма. М., 2007.

О ВСТРЕЧЕ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА С ПРОТОИЕРЕЕМ АЛЕКСАНДРОМ МЕНЕМ

...Где-то в конце 60-х годов меня заинтересовала литература философского и религиозного содержания. Я жадно читал все, что можно было достать, и вот среди самиздатской литературы этого толка мне попала работа священника отца Александра (называть его фамилию я не буду, знающий догадается, для незнающих фамилия не имеет значения). И когда я читал работы этого отца Александра, мне показалось, что это не просто необыкновенно умный и талантливый человек, это человек, обладающий тем качеством, которое писатель Тынянов называл «качеством присутствия».

Я читал, допустим, его рассказ о жизни пророка Исайи и поражаюсь тому, как он пишет об этом. Пишет не как историк, а пишет как свидетель, как соучастник. Он был там, в те времена, в тех городах, в которых проповедовал Исайя. Он слышал его, он шел рядом с ним по улице. И вот это удивительное «качество присутствия», редкое качество для историка и писателя, и необыкновенно дорогое, оно отличало все работы этого священника, отца Александра.

Тогда я в один прекрасный день решил просто поехать и посмотреть на него...

Я простоял службу, прослушал проповедь, а потом вместе со всеми молящимися я пошел целовать крест⁶. И вот тут-то случилось маленькое чудо. Может быть, я тут немножко преувеличиваю, может быть, чуда и не было никакого, но мне в глубине души хочется думать, что все-таки это было чудом.

Я подошел, наклонился, поцеловал крест. Отец Александр положил руку мне на плечо и сказал: «Здравствуйте, Александр Аркадьевич. Я ведь вас так давно жду. Как хорошо, что вы приехали». Я повторяю, что, может быть, чуда и не было. Я знаю, что он интересовался моими стихами. Но где-то в глубине души до сегодняшнего дня мне по-прежнему хочется верить в то, что это было немножко чудом⁷.

6 Имеется ввиду Сретенский храм в Новой Деревне (г. Пушкино Московской области), где протоиерей Александр Мень служил с 1970 по 1990 г. – *Ред.*

7 Сборник памяти А. А. Галича «Заклинание добра и зла». М., 1992.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРЕТНИКОВ КОМПОЗИТОР, КРЕСТНЫЙ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

Один из наиболее ярких и разносторонних по жанру композиторов. Автор опер, балетов, симфоний, концертов, духовных произведений, музыки к фильмам. Одно из своих духовных произведений «Мистерия апостола Павла» он посвятил протоиерею Александру Меню.

Последние три года жизни Галича в Москве я находился в такой ослепительной близости к нему, что мне очень трудно отделить главное от второстепенного. Так же трудно, как если бы мне пришлось рассказывать о своих родных. В эти годы наше общение было почти каждодневным.

Мы с Сашей познакомились в 1947 году в доме Константина Исаева, с которым Галич иногда соавторствовал. Тогда Саша не произвел на меня ни малейшего впечатления, показался обычным московским интеллигентом «от драматургии». Вообразить, каким красивым человеком он станет через 20 лет, я бы не мог.

Потрясающее впечатление произвела на меня Нюша, то бишь Ангелина Николаевна, его жена. Увидев ее в первый раз, я просто сел в угол и смотрел, не отрываясь, часа три. До сих пор уверен, что она была самой красивой женщиной, которую я видел в жизни, на сцене или на экране. Она была не только красива. В 1961 году один испуганный слушатель первых песен Галича (Саша исполнял «Облака» и «Л. Потапову») спросил Сашу: «Зачем ты это делаешь? Ты же знаешь, чем это для тебя может кончиться!». Ответила Нюша: «Мы решили ничего больше не бояться». Несколькими годами позже написана песня «Как мне странно, что ты жена!» – это ведь о ней.

По-настоящему мы с Сашей встретились в 65-м, когда возрастная разница (в одиннадцать лет) уже не играла роли. Сразу возникло очень большое взаимное благорасположение. До этого мы существовали в почти не сообщающихся мирах: он в драматургии, я в музыке. Дикое наслаждение, которое я получал от его песен, определяло мое к нему отношение. На первом этапе это определило и его отношение ко мне – он совершенно по-детски любил, когда его хвалили. Позже вступили в дело уже иные факторы.

Любопытно, что он никогда не просил меня показать ему мою музыку, а я этого и не предлагал. Он, наверное, боялся разочарования.

Когда мы встретились в 65-м, он уже «получшел». Он был почти таким же, каким шел к самолету, чтобы улететь навсегда. По летному полю шагал – я это отчетливо вижу – человек необычайной красоты. Шел Актер и Шут. Шут, говоривший правду королям! Он был возбужден и прекрасен – самый красивый Галич!

Все уже рвалось. Было понятно, что он оставляет у себя за спиной и какую цену придется заплатить за изгнание и за отъезд – заплатить потерей самой необходимой аудитории!

Я никогда не поддерживал разговоры об отъезде. Считал, что каждый сам должен сделать выбор. Слишком страшная складывалась в то время ситуация... Но почему помянутый в одном из его стихотворений милиционер являлся в плащ-палатке – до сих пор не понимаю. И Саша этого не понимал. А торчали, следили за ним совсем другие люди, со стертыми лицами. Средства использовали совершенно кустарные, и, главное, они вовсе не прятались.

Я ездил с Сашей по многим домам, где он выступал. Иногда дома были нам абсолютно неизвестны, часто случайны, иногда где-то на окраинах города, в новых районах. Мы каждый раз не знали, какие там будут люди, но он мгновенно оценивал присутствующих, мгновенно адаптировался. Всегда – он ни разу не ошибся – очень точно чувствовал аудиторию и в соответствии с этим чувством выбирал песни для исполнения. Обычно он просил меня настроить гитару (я делал естественную темперацию, и ему было удобнее петь; сам он так настраивать не умел). Не помню случая, чтобы хоть один из слушателей остался равнодушным.

Как и отец Александр Мень, Галич был одним из немногих, кто напоминал мне удивительных русских интеллигентов, которые генерировали в начале столетия и относились к так называемому «русскому серебряному веку». Для них вопрос собственной эрудиции не играл той роли, какую этот вопрос во многих случаях играет сегодня. Их огромная эрудиция была так же естественна, как у хорошего пианиста быстрая и точная игра гамм. Например, многоязыкость: В. Я. Шебалин – мой учитель – знал четыре языка, А. Г. Габричевский – семь, дирижер Н. Аносов – не то пятнадцать, не то семнадцать, Галич знал три. Как будто бы маловато, но, если учитывать условия, в которых он ими овладел, это очень много. На немецком говорили родители, французский и английский выучил самостоятельно, валяясь по больничным койкам. (Сам я, не зная ни одного, кажусь себе каким-то обрубком).

Видимо, знание многих языков сильно меняет свойства интеллекта и особенно влияет на синкретические возможности человека. Саша обладал ими в полной мере: легко умел по малой части реконструировать целое, умел соединять понятия, которые в голове, этими способностями не обладающей, не соединяются. Думаю, это все-таки вопрос наследования. Какое ни будь образование, истинный интеллигент появляется в результате чередования нескольких поколений, когда каждый следующий человек рождается во все более высоком уровне духовной культуры (что не отменяет, конечно, исключений). Я знал его мать и могу совершенно убежденно сказать, что многое определилось тем, какими были родители. Начало было, видимо, очень хорошим, и дальнейшее самосовершенствование

потребовало от него меньших усилий.

Еще одно его замечательное свойство – литературный универсализм. Он ведь очень многое мог и как прозаик, и как сценарист, не говоря уже о том, каким он был поэтом.

По складу ума Галич был чистый гуманитарий. Сам как-то говорил мне, что так и не может понять, почему, когда поворачивает выключатель, зажигается или гаснет лампочка. Ему это было недоступно. Какие-то элементарные бытовые акции он если и совершал, то совершал с осторожностью и изумлением. И, возможно, в этом была заложена его смерть – он погиб от обыкновенного телевизора.

И еще – совершенно замечательный характер. Человек легкий, веселый, безобразник и вместе с тем по-настоящему застенчивый: он абсолютно не мог участвовать в каком-либо, даже пустяковом скандале, кроме такого, причиной которого было хамство, – тут он становился неумолим и презрителен.

Почти все известные мне представители великой русской интеллигенции, о которых я уже упоминал, были очень живыми людьми, любителями женского пола и возлияний, любили похулиганить и погусарствовать. Помню, каким был Нейгауз, каким был всего этого не чуждавшийся Шебалин, каким был великий музыкант И. Способин. И, одновременно, они существовали на огромных духовных и интеллектуальных высотах – одно другого совершенно не исключало. Никто из них не напоминал известное создание, выведенное доктором Вагнером в колбе. Живые, прежде всего живые, люди. И Саша был фантастически живым человеком, вероятно, как никто ... И, пожалуй, в нем видел я настоящее российское гусарство.

Он сам меня осторожно спросил однажды о том, как я отношусь к музыке его песен. И очень радовался моему ответу. Я ответил: «Ну, Саш, у тебя ведь все очень непритязательно. Ты же не претендуешь на то, чтобы писать нечто оригинальное. Ты вообще пишешь не музыку. То, что ты пишешь, это музыкальная лупа. Ты с удивительной интуицией находишь возможность усилить воздействие своих стихов: во-первых, благодаря тому, что они медленнее произносятся – а значит, все можно хорошо прочувствовать, во-вторых, ты точно подчеркиваешь их ритмическую основу, что особенно важно на первом этапе восприятия. Так что можно сказать, что музыка у тебя – как бы некая пропагандистская лупа. Однако думаю, что наступит время, когда твои стихи будут читать, а не петь ...»

Универсально одаренный человек, он был действительно предельно музыкален и к тому же обладал хорошим вкусом. Он постоянно слушал пластинки с записями классики из своей небольшой коллекции. Все, что он делал в музыке своих песен, было пластично и свидетельствовало о высокой культуре слуха. И, хотя я терпеть не могу массовую культуру (а в основе его песен лежит городской романс), у меня никогда не возникало по отношению к его музыке ощущение шокинга: в ней нет пошлости! У него, безусловно, был мелодический дар, и иногда случались довольно сложные хитрости в форме песни или ее гармоническом построении. Возникало что-то свое на очень, казалось бы, простом материале.

Иногда приходится слышать, что Галич прожил как бы две жизни. Одну как «советский» драматург, другую как русский поэт и беспощадный судья режима.

Двадцать лет он был «советским» драматургом, много зарабатывал и мог бы до конца

дней в таковом благополучии пребывать. Я видел пьесы и фильмы, снятые по его сценариям, – они были крепко скроены – однако производили на меня такое же впечатление, как и все искусство, доступное в то время. Никто не предполагал того, что он начнет творить в своей «новой» жизни.

Песни стали занимать в его душе все более определяющее место, и к тому же они сразу вызывали бурный восторг у слушателей, хотя поначалу лишь немногие очень умные и дальновидные люди поняли смысл и значение его поэзии. Я понял только в середине шестидесятых.

Какое-то время сохранялось равновесие: Галич продолжал существовать и как «советский драматург», и как «антисоветский поэт». Такое парадоксальное существование не внове на Руси. Оно не могло продолжаться долго, и жизнь сама сделала выбор – театрам и киностудиям запретили с ним сотрудничать. Власть вполне оценила опасность его поэзии.

Я хорошо знаю, что ему было страшно, но он перебарывал страх. Он оказался в положении пророка Ионы, который вопил к небесам: «Я не хочу, Господи, но ты толкаешь меня в спину!».

Сашу толкали в спину его песни. Ведь он мог бы, как некоторые иные, написать в «Литературку» несколько покаянных слов – ему бы зачлось и было бы как-то милостиво прощено. Но он категорически не хотел этого, ибо понимал, что этим предаст и зачеркнет свои песни и их смысл. А песни его были для них хуже, чем «Комитет прав человека»! Он ничего им не пропускал и мгновенно бил наотмашь! («Он спит, а его полпреды варганят Войну и Мир!» – это ведь не только о «начальстве», но и о тех, кто «варганит» так называемое «искусство»).

Хорошо помню, почему он крестился. Крестил его отец Александр Мень, я был крестным. К этому времени (к семьдесят второму году) он очень укрепился в вере в Господа. В крещении была еще и возможность как можно крепче привязать себя к этой стране и ее народу. Когда принимаешь главное страны – ее Веру, ты, столь страдающий за судьбу народа, свою судьбу соединяешь с народной. К тому же я уверен, что человек принадлежит к той нации, на языке которой он думает. А ведь мало кто в наше время больше и глубже Галича думал о России.

А как хорош он был в церкви! Он уходил куда-то вверх, это было видно.

Дней десять, предшествующих отъезду, провел в необычайном возбуждении и деятельности. Спал, наверное, три – четыре часа в сутки. Продолжались «прощальные» концерты, собирались и упаковывались одни вещи, раздавались другие. Он успевал еще и помотаться несколько раз на таможню, чтобы что-то у таможенников отспорить, и совершенно не был похож на человека, перенесшего несколько инфарктов.

Хорошо помню, что Ньюша, единственная из всех отъезжающих, ходила как потерянная и все повторяла: «Ребята! Ну, мы уезжаем, у нас все будет хорошо! Но вы-то, вы-то оставайтесь?! Что с вами будет?!»

Наверное, даже если я увижу когда-нибудь его могилу, она ни в чем меня не убедит: так и не могу до конца поверить, что он умер...

Из книги воспоминаний «Готовность к бытию». 1992 г.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

БАЛЛАДА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

*«...Призрак бродит по Европе,
призрак коммунизма...»*

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал.
Запятым по пятам, а не дуриком,
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом».
Не стеснясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники «Призраком»,
И повсюду, где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это истинно.

От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих,
И пусть я псих, а кто не псих? А вы не псих?

Но недавно случилась история –
Я купил радиолу «Эстония»,
И в свободный часок на полчаса
Я прилег позабавиться классикой.
Ну, гремела та самая опера,
Где Кармен своєю бросила опера,
А когда открывал Эскамилио,
Вдруг своё я слышал фамилие.

Ну, черт-то что, ну, черт-те что, ну, черт-те что!
Кому смешно, мне не смешно. А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то и далее –
Померла у вас тетка в Фингалии,
И по делу той тети Калерии
Ожидают вас в Инюрколлегии.
Ох, и вскинулся я прямо на дыбы:
Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая,
Не марксистская, ох, не марксистская!

Ну прямо срам, ну прямо срам, ну, стыд и срам!
А я ведь сам почти что зам! А вы не зам?

Ну, промаялся ночь как в холере я,
Подвела меня падла Калерия!
Ну, жена тоже плачет, печалится –
Культ – не культ, а чего не случается?!
Ну, белишко в портфель, щетка, мыльница, –
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться.
Ну, являюсь, дрожу аж по потрохи,
А они меня чуть что не под руки.

И смех и шум, и смех и шум, и смех и шум!
А я стою – и ни бум-бум. А вы – бум-бум?

Первым делом у нас – совещание,
Зачитали мне вслух завещание –
Мол, такая-то, имя и отчество,
В трезвой памяти, все честью по чести,
Завещаю, мол, землю и фабрику
Не супругу, засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володечка
Пусть владеет всем тем на здоровьечко!

Вот это да, вот это да, вот это да?
Выходит так, что мне – ТУДА! А вам куда?

Ну, являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу,
Мол, привет, по добру, по спокойненьку,
Ваши сто мне – как насморк покойнику!
Пью субботу я, пью воскресенье,
Чуть посплю – и опять в окосение.
Пью за родину, и за не родину,
И за вечную память за тетину.

Ну, пью и пью, а после счет, а после счет,
А мне б не счет, а мне б еще. И вам еще?

В общем, я за усопшую тетеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку,
А как встал, так друзья мои, бражники,
Прямо все как один за бумажники:
– Дорогой ты наш, бархатный, саржевый,
Ты не брезговой, Вова, одалживай! –
Мол, сочтемся когда-нибудь дружбою,
Мол, пришлешь нам, что будет ненужное.

Ну, если так, то гран мерси, то гран мерси,
А я за это вам джерси. И вам – джерси.

Наодалживал, в общем, до тыщи я,
Я ж отдам, слава Богу, не нищий я,
А уж с тыщи-то рад расстараться я -
И пошла ходуном ресторация...
С контрабаса на галстук – басовую!
Не «Столичную» пьем, а «Особую»!
И какие-то две с перманентиком
Все назвать норовят меня Эдиком.

Гуляем день, гуляем ночь, и снова ночь,
А я не прочь, и вы не прочь, и все не прочь.

С воскресенья и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие,
А очухался чуть к понедельнику,
Сел глядеть передачу по телику.
Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области,

А потом:
– Передаем сообщение из-за границы. Революция
в Фингалии! Первый декрет народной власти –
о национализации земель, фабрик, заводов и всех
прочих промышленных предприятий. Народы Советского
Союза приветствуют и поздравляют народ Фингалии с победой!

Я гляжу на экран, как на рвотное:
То есть как это так, все народное?
Это ж наше, кричу, с тетей Калею,
Я ж за этим собрался в Фингалию!

Негодяи, бандиты, нахалы вы!
Это все, я кричу, штучки Карловы!
...Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!

А я же ее от сих до сих, от сих до сих!
И вот теперь я полный псих!
А кто не псих?!

1963

ЗАКОН ПРИРОДЫ (ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ)

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Отправлен взвод в ночной дозор
Приказом короля.
Выводит взвод тамбурмажор,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Эй, горожане, прячьте жен,
Не лезьте сдуру на рожон!
Выводит взвод тамбурмажор –
Тра-ля-ля-ля!
Пусть в бою труслив, как заяц,
И деньжат всегда в обрез,
Но зато – какой красавец!
Черт возьми, какой красавец!
И какой на вид храбрец!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Проходит пост при свете звезд,
Дрожит под ним земля,
Выходит пост на Чертов мост,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Чеканя шаг, при свете звезд
На Чертов мост выходит пост,
И, раскачавшись, рухнул мост –
Тра-ля-ля-ля!
Целый взвод слизнули воды,
Как корова языком,
Потому что у природы
Есть такой закон природы –
Колебательный закон!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля,
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
И кто с законом не знаком,
Пусть учит срочно тот закон,
Он очень важен, тот закон,
Тра-ля-ля-ля!
Повторяйте ж на дорогу
Не для кружева-словца,
А поверьте, ей-же-Богу,
Если все шагают в ногу –
Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, правой –
Кто как хочет!

1963

ПСАЛОМ

Б. Чичибабину

Я вышел на поиски Бога.
В предгорьи уже рассвело.
А нужно мне было немного –
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И полон предчувствием смутным
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей –
Мой бог, сотворенный из глины,
Сказал мне:
– Иди и убей!..

И канули годы.
И снова –
Все так же, но только грубей,
Мой бог, сотворенный из слова,
Твердил мне:
– Иди и убей!

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впиался репей,
И бог, сотворенный из страха,
Шептал мне:
– Иди и убей!

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог –
На поиски доброго Бога
И – ах, да поможет мне Бог!

1971

СЛУШАЯ БАХА

М. Ростроповичу

На стене прозвенела гитара,
Зацвели на обоях цветы.
Одиночество Божьего дара –
Как прекрасно
И горестно ты!

Есть ли в мире волшебней,
Чем это
(Всей доукуе земной вопреки), –
Одиночество звука и цвета,
И паденья последней строки?

Отправляется небыль в дорогу
И становится былью потом.
Кто же смеет указывать Богу
И заведовать Божьим путем?!

Но к словам, ограненным строкою,
Но к холсту, превращенному в дым, –
Так легко прикоснуться рукою,
И соблазн этот так нестерпим!

И не знают вельможные каты,
Что не всякая близость близка,
И что в храм ре-минорной токкаты
Недействительны их пропуска!

1971

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

Когда я вернусь – ты не смейся, – когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому снегу,
По еле заметному следу к теплу и ночлегу,
И, вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...

Послушай, послушай – не смейся, – когда я вернусь,
И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможей,
И прямо с вокзала в крошечный, ничтожный, раешный
Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,
Когда я вернусь, о, когда я вернусь...

Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит меня и заплещется в сердце моем...
Когда я вернусь... О, когда я вернусь...

Когда я вернусь, засвистят в феврале соловьи
Тот старый мотив, тот давнишний, забытый, запетый,
И я упаду, побежденный своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои,
Когда я вернусь... А когда я вернусь?

1972

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ДУБРАВА»
ИМЕНИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ